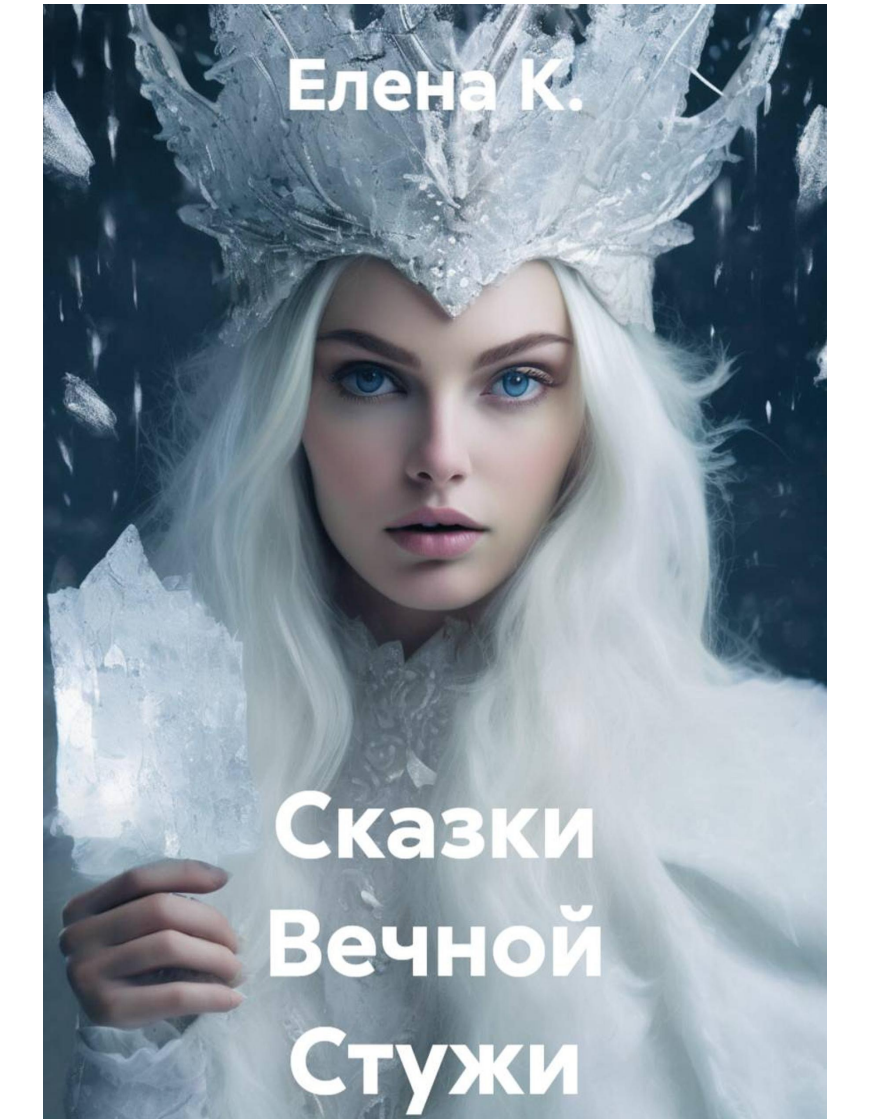

Елена К.

Сказки
Вечной
Стужи

Елена К. Сказки Вечной Стужи

<https://litres.ru/74328794>

SelfPub; 2026

Аннотация

В этом сборнике — волшебные зимние сказки о городе, где холод умеет быть добрым, а тишина — музыкальной. Здесь живёт Вечная Стужа, которая рисует на снегу ноты тишины, озорной Снежный Зайчик учит детей танцевать метельвальс, а лоскутное одеяло хранит в себе все тёплые воспоминания города.

Петя, Агафья и ребята учатся слышать, как поёт зима: в скрипе снега, в звоне инея, в едва уловимом шёпоте ветра. Они узнают, что даже самую злую бурю можно успокоить — если не бороться с ней, а станцевать вместе. А ещё они понимают самое главное: настоящее тепло рождается там, где люди внимательны друг к другу и готовы просто посидеть в тишине, слушая, как город делает тихий вдох.

Она согреет в холодные вечера и напомним: даже в самой долгой зиме есть место свету, смеху и добрым историям.

Идеальный подарок для детей и взрослых, которые любят уютные сказки и хотят снова поверить в чудо.

Содержание

Все Главы	4
Глава 1.	5
Глава 2.	9
Глава 3.	12
Глава 4.	15
Глава 5.	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сказки Вечной Стужи

Все Главы

Глава 1.

В одном маленьком городке, где улицы пахли свежей выпечкой, а по утрам над крышами плыл лёгкий туман, жил мальчик по имени Петя. Больше всего на свете он любил наблюдать, как меняется город с каждым временем года. Весной он собирал первые подснежники у старого дуба, летом бегал босиком по тёплой траве, осенью шуршал опавшими листьями, а зимой лепил снеговиков и слушал, как скрипит снег под ногами.

Однажды Петя нашёл в старом сарае у дедушки потрёпанную жестяную коробочку. Внутри лежала крошечная серебряная пуговица и записка: «Кто найдёт — пусть бережёт. Она умеет слушать желания». Петя улыбнулся и положил пуговицу в карман — на всякий случай.

На следующий день вдруг случилось странное: стоило Пете подумать о чём-то хорошем, как это начинало сбываться, но совсем не так, как он ожидал. Захотел, чтобы поскорее пришла весна — и посреди зимы в их саду расцвели подснежники, хотя вокруг всё ещё лежал снег. Захотел, чтобы бабушка напекла пирогов с вишней, — и вместо этого в доме появились пироги с черникой, зато их хватило на всех соседей.

Петя понял: пуговица исполняет желания, но делает это

по-своему, будто хочет напомнить, что счастье — не в том, чтобы всё было точно так, как задумал, а в том, что рядом есть люди, которым можно отдать лишний пирог, и цветы, которые радуют даже среди снега.

Тогда Петя решил загадать самое главное: чтобы все в городе были счастливы. И пуговица тихо звякнула в кармане, будто согласилась. С того дня в городке стали происходить маленькие чудеса: кто-то находил потерянную варежку, кто-то встречал старого друга, а в пекарне по утрам вдруг появлялся запах свежей корицы, даже если её никто не клал в тесто.

Но однажды случилась беда. В городе начали исчезать привычные вещи: пропал скрип половиц в старой библиотеке, исчезла тень от большого дуба на главной площади, а потом и вовсе стало казаться, будто город понемногу теряет свои краски — дома будто выцветали, а смех детей звучал тише. Петя сразу догадался: что-то нарушило равновесие чудес.

Он побежал к бабушке, и тот, поглаживая седую бороду, тихо сказал: — Волшебство — как дыхание: оно живёт, пока его берегут. Пуговица даёт чудеса, но они держатся на доброте и заботе. Если люди перестанут замечать хорошее, чудеса начнут таять.

Петя крепко сжал пуговицу в кулаке и задумался. Он понял: нужно не просто ждать чудес, а помогать им жить. И тогда мальчик придумал план.

Сначала он собрал ребят со всего города и устроил «День маленьких радостей»: каждый должен был сделать что-то хорошее для другого — помочь донести тяжёлые сумки, нарисовать мелом весёлую картинку на тротуаре, просто сказать доброе слово. Потом Петя вместе с друзьями развесил по городу яркие лоскутки ткани — красные, синие, жёлтые, — чтобы вернуть городу цвета. А у старого дуба они устроили уголок, куда каждый мог положить что-то памятное: камешек, записку, засушенный цветок — чтобы тень снова обрела силу.

И чудеса начали возвращаться. Скрип половиц вернулся в библиотеку, дуб снова отбрасывал густую тень, а краски домов стали ярче, чем прежде. Даже пуговица в кармане Пети теперь не просто звякала — она тихонько светила тёплым серебристым светом.

А однажды вечером, когда город уже засыпал и в окнах загорались уютные огоньки, к Пете подошла маленькая девочка из соседнего дома. — Спасибо тебе, — тихо сказала она. — Сегодня я нашла свою любимую варешку, а ещё мне подарили пряник в форме сердечка. Это ведь твои чудеса?

Петя улыбнулся: — Не совсем. Это наши чудеса. Они живут там, где люди делают друг другу добро.

С тех пор Петя знал: самое настоящее волшебство — это когда ты помогаешь миру оставаться ярким и добрым. И пусть пуговица иногда подкидывает неожиданные сюрпризы, главное чудо — в том, что рядом всегда есть те, с кем

можно разделить тёплый пирог и тихий вечер под звёздным небом.

Глава 2.

Прошло несколько недель, и городок снова жил привычной, но теперь чуть более волшебной жизнью. В нём будто поселилось тихое ожидание чуда — и люди стали внимательнее друг к другу: уступали место в очереди, подсказывали дорогу незнакомцам, угощали соседей чаем.

И вот однажды на окраине города, у самой опушки леса, появилась новая жительница — старушка по имени Агафья. Никто не знал, откуда она пришла: то ли приехала на скрипучей тележке, то ли просто вышла из тумана, будто была его частью. У неё были седые косы, туго заплетённые в узел, глаза — ясные, как утреннее небо, а в руках она всегда держала корзинку, доверху набитую нитками, лоскутками и старыми пуговицами.

Сначала горожане поглядывали на неё с любопытством, но без опаски: Агафья никому не навязывалась, тихо сидела на лавочке у пекарни, вязала что-то пёстрое и улыбалась, когда дети приносили ей цветы. А потом пошли разговоры: будто бы она умеет чинить не только вещи, но и настроение.

Однажды к ней прибежала та самая девочка, что благодарила Петю за варёжку. У неё дрожали губы, а в кулачке была зажата потрёпанная игрушка — плюшевый зайчонок, у которого оторвалось ухо.

— Тётя Агафья, можно его починить? — пролепетала девочка.

Агафья взяла зайчонка, погладила его по мягкой спинке и кивнула: — Можно. Но знаешь, иногда вещь становится даже добрее, если её починить с любовью, а не просто пришить ниткой.

Она достала из корзинки лоскуток цвета тёплого мёда и аккуратно пришила его на место оторванного уха, а поверх сделала крошечный узелок — будто бантик. И вдруг зайчонок будто вздохнул и чуть-чуть ожил: его глазки блеснули, а носик стал чуть теплее.

Девочка прижала его к себе и засмеялась: — Он снова хороший!

Агафья улыбнулась: — Вещи помнят руки, которые их держат. Если в них было тепло — они его хранят.

Петя, который всё это видел, подошёл ближе и тихо спросил: — А вы... тоже знаете про чудеса?

Агафья посмотрела на него внимательно, будто заглянула прямо в сердце, и сказала: — Чудеса — как стежки: если тянуть нить ровно и не торопиться, они держатся крепко. А если дёргать и спешить — распускаются. Твоя пуговица — это начало, но дальше узор плетут люди.

С того дня Петя и Агафья стали частенько сидеть вместе на лавочке, пить чай из толстых чашек и разговаривать о том, как устроено волшебство. Агафья рассказывала, что каждое доброе дело — это узелок, который не даёт чудесам рассу-

паться, а Петя делился своими планами: устроить в городе праздник лоскутных одеял, чтобы каждый принёс хоть маленький кусочек ткани, и они вместе сошьют одно большое одеяло для всего города.

А пуговица в кармане Пети теперь не просто светилась — она тихонько звенела всякий раз, когда кто-то делал что-то хорошее. И чем больше становилось таких дел, тем звонче и радостнее звучал этот тихий серебряный голос.

Глава 3.

Наступил день праздника лоскутных одеял. Горожане принесли разноцветные кусочки ткани — кто старый платок, кто обрывок платья, кто лоскут от бабушкиной рубахи. На главной площади расстелили огромный холст, и все принялись пришивать свои кусочки, рассказывая истории: про бабушкины пироги, про первый школьный день, про то, как в дождь прятались под одним зонтом.

Петя сиял: одеяло росло на глазах, становилось пёстрым, тёплым, будто сшитым из самих воспоминаний. Агафья тихо улыбалась, поправляя стежки, и шептала: — Главное — не пропускать ни одной истории. В них и прячется тепло.

Но ближе к вечеру небо затянуло тяжёлыми тучами, а ветер вдруг стал злым и резким. Он срывал лоскутки, едва успевшие прижиться на общем полотне, и швырял их в разные стороны. Дети закричали, кто-то заплакал, а взрослые бросились ловить разлетающиеся кусочки.

И тут Петя заметил коечто странное: ветер будто не просто дул — он целенаправленно рвал именно те лоскутки, к которым были привязаны самые дорогие воспоминания. Словно кто-то или что-то хотело стереть из памяти города самое важное.

Агафья схватила Петю за руку и сказала твёрдо: — Это

не обычный ветер. Это Холодный Шёпот — он питается чужими сожалениями и забытыми словами. Если мы позволим ему унести лоскутки, город забудет, что когда-то был добрым.

— Но как его остановить? — спросил Петя, прижимая к груди вырванный лоскуток с вышитым сердечком.

— Нужно вернуть память туда, где она живёт, — ответила Агафья. — Не просто пришить лоскутки обратно, а снова рассказать истории, которые на них записаны. И сделать это так, чтобы ветер не смог их заглушить.

Тогда Петя вскочил на невысокий помост и закричал: — Эй, слушайте все! Мы не дадим ветру украсть наши воспоминания! Кто помнит, как бабушка пекла пироги? Кто помнит, как мы все вместе лепили снеговика? Рассказывайте! Не бойтесь говорить громко!

И город заговорил. Люди выкрикивали свои истории, будто бросали их навстречу ветру: про первую весну, про забытые вареники, про смех на крыльце, про тихий вечер у окна. С каждым словом ветер слабел, а лоскутки будто прилипали к одеялу сами, без ниток — словно память крепче любого шва.

А когда последняя история была рассказана, ветер стих, и над площадью повисла тишина, в которой слышно было только, как тихонько звенит пуговица в кармане Пети. Одеяло теперь казалось не просто сшитым из ткани — оно светилося изнутри, будто хранило в себе весь город.

Агафья подошла к Пете и положила ладонь ему на плечо:

— Ты понял? Настоящее волшебство — это когда ты не даёшь добру забыться.

Петя кивнул, глядя на пёстрое одеяло, в котором теперь каждый лоскуток был не просто кусочком ткани, а маленьким домом для чьейто радости.

Глава 4.

После того как буря утихла, а лоскутное одеяло засияло тёплым светом, Петя и Агафья не могли отделаться от мысли: откуда пришёл Холодный Шёпот? Почему он так жадно рвал воспоминания?

Однажды ночью Пете не спалось. Он сидел на крыльце, тербил в пальцах серебряную пуговицу, и та тихонько позвякивала, будто подсказывала: «Иди». Петя прислушался к этому звону, накинул куртку и тихо вышел из дома.

У опушки леса его уже ждала Агафья. Она держала в руках корзинку, а поверх лоскутков лежала старая карта, нарисованная углём на грубой бумаге.

— Я знала, что ты придёшь, — улыбнулась она. — Эта карта досталась мне от бабушки. На ней отмечено место, где живёт сама Зима — не та, что приходит каждый год, а её старшая сестра, Вечная Стужа. Говорят, Холодный Шёпот — это её голос.

Петя нахмурился: — Но зачем ей стирать наши воспоминания?

— Потому что холод не любит тепла, — тихо сказала Агафья. — Для Вечной Стужи каждое доброе воспоминание — как уголёк. Оно греет, светится, мешает ей править миром. Вот она и посылает Шёпот, чтобы выдуть из сердец радость.

Они двинулись по тропинке, отмеченной на карте. Чем дальше уходили от города, тем тише становилось вокруг: даже ветер будто боялся шуметь в этих местах. Деревья стояли неподвижно, покрытые инеем, а воздух был таким колющим, что слова замерзали на губах и падали вниз крошечными льдинками.

Наконец они вышли к круглой поляне, посреди которой возвышался ледяной дворец. Его стены переливались голубым и фиолетовым, а из высоких узких окон тянулся тот самый холодный ветер — тот самый Шёпот.

— Стой здесь, — шепнула Агафья. — Я пойду вперёд. А ты слушай. Если услышишь, что я зову, — беги ко мне.

Она подошла к воротам, сделанным из сплетённых ледяных нитей, и постучала костяшками пальцев. Ворота медленно раскрылись, и Агафья исчезла внутри.

Петя остался один. Он сжимал в кулаке пуговицу, и она вдруг потеплела, будто хотела его подбодрить. И тут он услышал голос Агафьи — не крик, а тихий, спокойный разговор. Петя подкрался ближе и прижался ухом к ледяной стене.

Внутри был зал, а в центре зала — трон изо льда, на котором сидела женщина в платье из снежных вихрей. Её волосы были белыми, как первый мороз, а глаза — прозрачными, словно замёрзшие озёра. Это и была Вечная Стужа.

— Ты пришла учить меня доброте? — холодно спросила она Агафью. — Ты думаешь, что тепло сильнее холода?

— Нет, — спокойно ответила Агафья, не опуская взгляда.

— Я пришла сказать, что они нужны друг другу. Без холода весна не кажется такой желанной, без зимы мы не ценим лето. Но ты хочешь забрать у людей память о тепле — и тогда весь мир станет серым.

Вечная Стужа усмехнулась: — Пусть будет серым. Так проще. Не нужно выбирать, не нужно надеяться. Просто холод. Просто тишина.

Тогда Агафья достала из корзинки маленький лоскуток — тот самый, медового цвета, который она пришила зайчонку. — Посмотри на него, — сказала она. — Он помнит тепло рук, помнит смех ребёнка, помнит, как его прижимали к сердцу. В нём живёт крошечное солнце. Если ты заберёшь все такие лоскутки, мир перестанет быть домом. Он станет просто пространством.

Вечная Стужа протянула руку и коснулась лоскутка. И вдруг её пальцы дрогнули. Ледяной свет в её глазах чуть померк, а потом вспыхнул тёплым отблеском — совсем на мгновение, но этого хватило.

— Я не хочу помнить тепло, — прошептала она, но голос её уже не был таким ледяным. — Оно ранит.

— Оно лечит, — мягко сказала Агафья. — И если ты позволишь миру помнить, ты тоже сможешь иногда оттаивать. Не навсегда. Просто чтобы вдохнуть поглубже.

В этот момент Петя не выдержал и ворвался в зал. — А ещё можно пить горячий чай! — выпалил он, чуть задыхаясь от холода. — И лепить снеговиков, а потом греться у печки.

И рассказывать истории, пока за окном метель. Холод нужен, чтобы мы ценили тепло!

Вечная Стужа посмотрела на него, потом на лоскуток, потом снова на Агафью. И медленно кивнула.

— Хорошо, — сказала она, и её голос теперь звучал не как треск льда, а как тихий зимний ветер, который не ломает ветки, а лишь качает их. — Я больше не буду посылать Шёпот, чтобы стирать ваши воспоминания. Но пусть и вы не забываете: холод — это тоже часть мира. Пусть в вашем одеяле будут и синие лоскутки, и серебристые, чтобы помнить и о метелях, и о выюгах.

Агафья улыбнулась: — Договорились. Ведь история без тени не бывает по-настоящему светлой.

Когда они вернулись в город, утро уже занималось розовым светом. Пуговица в кармане Пети тихо звенела, а лоскутное одеяло на главной площади казалось ещё ярче — теперь в нём были не только тёплые цвета, но и холодные, и вместе они складывались в красивый узор: как будто сама зима согласилась стать частью общей истории.

С тех пор в городе знали: даже холод может быть добрым, если помнить, что за ним обязательно придёт весна. А Петя и Агафья часто сидели на лавочке и улыбались, когда ветер шептал что-то тихое — но уже не злое, а будто напевал старую песню, которую все когда-то знали наизусть.

Глава 5.

С тех пор как Вечная Стужа перестала посылать Холодный Шёпот, в городе стали относиться к зиме с особым уважением. Теперь никто не торопил весну — все знали: холод нужен, чтобы ценить тепло, а тишина метели — чтобы лучше слышать, как стучит сердце рядом.

И когда декабрь начал рассыпать по крышам серебристую изморозь, Петя и Агафья задумали коечто особенное.

— А давай пригласим её, — сказал Петя, глядя, как над городом кружатся первые крупные хлопья. — Ну, Вечную Стужу. Пусть придёт на Новый год. Не как хозяйка холода, а как гостя.

Агафья задумчиво улыбнулась, поправила тёплый платок и кивнула: — Почему бы и нет. Только не будем звать её во дворец. Пусть приходит туда, где пахнет пирогами и где все друг другу рады.

Они написали письмо на плотной бумаге, которую Агафья достала из своей корзинки. Петя вывел крупными буквами: «Приглашаем Вас на Новый год. Будем пить горячий чай, рассказывать истории и любоваться снегом. С уважением, Петя и весь наш город». А Агафья пришила к письму маленький лоскуток — серебристоголубой, будто кусочек зимнего неба.

Письмо унёс снежный вихрь — тот самый, что теперь не рвал воспоминания, а бережно переносил слова.

В канун Нового года город нарядился: на окнах горели бумажные фонарики, на главной площади стояла высокая ель, украшенная вязаными игрушками, колокольчиками и лоскутками с вышитыми снежинками. У каждого дома пахло мандаринами и корицей, а на лавочках лежали пледы — на случай, если кто-то захочет просто посидеть и послушать, как тихо падает снег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.